

Письмо Н.З. Делибаш И.В. Сталину

Уважаемый тов. Сталин!

Обращаюсь к Вам по делу моего мужа Иосилевича А.С., арестованного ОГПУ в ночь с 16 на 17 января с/г.

Иосилевич, бывш. член ВКП(б) с 1917 года и работник ВЧК/ОГПУ со дня ее организации по начало 1926 г., был исключен из ВКП(б) в 1927 г. за принадлежность к троцкистской оппозиции, 31/XII 1927 г. был арестован и 24/I-28г. был выслан в гор. Минусинск, где пробыл до августа 1929 г., когда он отошел от троцкистской оппозиции и присоединился к заявлению тт. Радека, Смилги и Преображенского. Отказ Иосилевича от троцкистской оппозиции был несомненно с его стороны искренним и продуманным шагом. Он вернулся на прежнюю работу в НКторг СССР (в НКторге работал с 1926 г. в качестве председ. секции организ. торговли), где работал, имея целью всемерное содействие проведению генеральной линии партии.

В январе 1930 г. исполнился полугодовой срок со дня подачи Иосилевичем заявления, и 17-го января он должен был явиться в ЦКК РКП(б) на разбор его дела.

Тем более неожиданным и непонятным для меня был его арест в ночь с 16 на 17 января.

24 января я была вызвана в ОГПУ на допрос, где мне была открыта причина ареста Иосилевича. Оказывается, Иосилевич арестован не по подозрению в неискренности его отхода от троцкистской оппозиции и в возобновлении им фракционной работы, а за старое дело, относящееся ко времени не только предшествующему его отходу от оппозиции, но предшествующему его выселению из Москвы, относящемуся ко времени активной фракционной борьбы.

Иосилевичу инкриминируется его связь с расстрелянным ныне, бывш. Сотрудником ОГПУ Рабиновичем и получение им якобы от Рабиновича секретных сведений и передача этих сведений подпольной троцкистской организации.

Это же обвинение было предъявлено и мне во время моего допроса 24/I, где с меня была взята подписка о невыезде и мне была предъявлена 58-я статья Уголовного Кодекса.

Отношения между Иосилевичем и Рабиновичем мне известны прекрасно. Рабинович работал под руководством Иосилевича в ЗакЧК, где между ними установились дружеские отношения. По приезду в Москву эти отношения возобновились и поддерживались, причем я утверждаю, что ни со стороны Иосилевича, ни с моей не было никакой задней

мысли использовать Рабиновича во фракционных целях и никакой политической подкладки под этими дружескими отношениями не было.

Свидетельством того, что в наших отношениях не было никакой тайной цели получения сведений, является совершенно открытый характер наших отношений.

Когда Иосилевич был отправлен в ссылку, и я оказалась больная с грудным (месячным) ребенком на руках без всякой помощи, Рабинович даже переехал ко мне на квартиру, помогал мне в общежитии, в уходе за ребенком и т.д. Все это делалось совершенно открыто и на глазах у всех.

Возможно, конечно, что до высылки Иосилевича Рабинович с ним, как со старым своим начальником и другом, как с почетным чекистом, был откровеннее, чем полагается сотруднику ОГПУ. Во время острой фракционной борьбы, те, даже незначительные сведения, которые мог сообщить Рабинович Иосилевичу, были бы со стороны Рабиновича, как сотрудника ОГПУ, преступлением.

Но, если Иосилевич виноват перед партией за активную фракционную борьбу, которую он вел вместе с оппозицией, то как я думала, искренний и полный отход Иосилевича от оппозиции, освобождение его от ссылки и постановка в ЦК вопроса о его восстановлении в партии, тем самым освобождал Иосилевича от наказания за отдельные моменты его фракционной деятельности.

Однако Иосилевич арестован и ему предъявляется такое серьезное обвинение, как организация получения секретных сведений от сотрудника ОГПУ для нужд подпольной организации.

Если даже мне предъявлена (по предв. следствию) по этому делу обвинение по 58 статье и взята подписка о невыезде, то это внушает мне серьезное опасение за судьбу Иосилевича.

Я обращаюсь к Вам поэтому с убедительной просьбой вмешаться в это дело и предотвратить грозящее Иосилевичу серьезное наказание за его фракционную деятельность, после того как он сам ее осудил, после того как он всей своей деятельностью после отхода от оппозиции не дал ни малейшего намека на неискренность этого отхода.

26/1-30г.

Н. Делибаш

бывш. чл. ВЛКСМ до 1924 г. и канд. ВКП(б) с 1926 г.

